

Д. В. ЦВЕТАЕВ

Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований

<Фрагменты>

ВВЕДЕНИЕ

Из западных европейцев, живших в пределах Московского царства, перевес постоянно был на стороне лиц германского племени, принадлежавших к протестантскому вероисповеданию. И не одно соседство России с Ливонией и Швецией, из которых доставлялась сюда значительная доля иноземцев, способствовало такому явлению: русская граница прилегала и к владениям католического польско-литовского короля, а ливонские и шведские пленные и выходцы, игравшие у нас видную роль в начальной истории протестантского населения, непосредственно уже за Смутную эпоху теряются по количеству и значению в массе протестантов, вновь прибывших к нам из других северо-западных протестантских государств.

Условий преобладания у нас протестантов над католиками надо искать в общих политико-экономических и религиозных интересах.

Многозначительные перемены, совершавшиеся на Западе в период Реформации, в сферах научной, церковно-религиозной и общественной, будили народные силы и вызывали их к оживленной деятельности в различных новых и разнообразных направлениях. Вместиелями новых идей были по преимуществу люди германского племени, которыми главным образом и совершена Реформация и с которыми слилось протестантство, подобно тому как за народами романскими осталось католичество.

Наступившие кровавые войны, внутренние междоусобия, экономическое расстройство, неуверенность в завтрашнем дне, применение разными правителями известного пункта «чья земля, того и вера» и возбужденная предприимчивость повлекли многих из них искать средств и счастья вне родины. Северо-западная часть Европы нахо-

дилась тогда в брожении, впоследствии, в эпоху Тридцатилетней борьбы, собственно по Германии двигались целые толпы военных людей, искавших занятий и за выгодную плату готовых служить, где и кому угодно. Когда разнесшийся по Западу слух о Московии и ее богатствах становился все упорнее и затем, когда чрез нарочитых агентов нашего правительства получались там приглашения, обращенные к военным, художникам, мастерам, врачам и т. п. лицам, об определении на русскую службу, то, естественно, протестанты, и по собственной воле, и по приглашению, двигались сюда в большем количестве, чем католики.

Первоначально они совершенно незаметно смешивались с толпой прежних западных пришельцев католической веры и никем у нас не были отличаемы от их предшественников. Христиане в сознании замкнутых москвитян делились тогда на «крестьян» (православных) и «латинян», весь Запад представлялся латинскою землей, всех, прибывших оттуда, москвичи обыкновенно без различия называли «латинами» и «иноземцами». Скоро, однако, была подмечена вероисповедная и национальная отдельность между пришельцами: уже многие современники Грозного начали называть протестантов «люторами», «немцами», католиков — «папешниками», «римлянами», «латинами». Различение сопровождалось существенными последствиями.

Московские люди совсем не были слабым, неисторическим народом, обреченным на страдательное отношение к чуждым влияниям. Уже в начале своей исторической жизни Русь отличалась творческою, созидательною силой в такой мере, что могла усваивать себе и перерабатывать посторонние элементы и находиться в тесном общении с остальною Европою, не теряя своей оригинальности. Общение это нарушено было нашествием азиатских орд, и возобновить его поставила своею задачей Москва, лишь только отстранила татарскую власть и образовала из северно-русских земель самостоятельное государство, с народными началами, нуждавшимися в дальнейшем развитии и укреплении. Независимой Византии более не существовало; за получением требовавшихся нам некоторых практических результатов, достигнутых к этому времени гражданскою образованностью в чужих странах, оставалось обратиться прямо на иноверный Запад, к бывшим в нем культурно-политическим центрам. Но, чтобы не допустить при этом нагнетательного действия чужих народностей, под прикрытием культуры обыкновенно преследующих свои эгоистические цели,

необходима была зоркая осторожность в допущении иноземцев и в применении их для удовлетворения создававшимся вновь нуждам. Пока приходилось довольствоваться одними католиками; после же Реформации, поделившей западных людей на два враждебные между собою лагеря, и после того, как у нас научились отличать протестантов от католиков, практический расчет побуждал наших склоняться в пользу протестантов.

В них усмотрена большая близость к тому идеалу, который наметили у нас относительно иностранца: иноземец должен удовлетворять практическим нуждам страны, не нанося ущерба ее существенным основам и традициям; почему в интересах правительства было наблюдать, чтобы посторонние люди не вредили русской вере, русским нравам и крепнувшему самодержавию. Охранение религии от посторонних посягательств было даже самым решающим основанием в определении положения у нас иноземцев. Католичество было ближе к православию, это признавали в Москве, и в догматическом отношении ставили его выше протестантства; зато с католичеством у Москвы соединялись тяжелые мысли и горькие исторические воспоминания. Холодность и недоверие к католикам были переданы Руси еще из Греции, завещаны Ольгой и Владимиром, и последующие исторические обстоятельства, осложняемые эгоистическими действиями папства, его страстью к пропаганде и религиозно-политическому господству, должны были способствовать к развитию неприязненных чувств. Московскому правительству была неприятна воинствующая церковь за ее стремление мешаться во внутренние дела государства, за стремление подчинить своему влиянию даже верховную светскую власть; духовная иерархия предостерегала против католиков, как лиц, действовавших в интересах папства. Ко вреду последних, одновременно с успехами Реформации усилилась и католическая пропаганда, пытавшаяся загладить убытки на Западе. В Риме созрел план о широком натиске на весь православный греко-славянский мир, с целью вовлечения его в католичество; из иезуитов одни скоро очутились уже в Константинополе и искусно интриговали против патриархов; другие орудовали в Македонии, третьи — в Сирии. Московские люди, в свою очередь, представлялись, на взгляд иных католиков, таким выгодным приобретением, которое бы не только «покрыло вечным стыдом безумцев-лютеран», старавшихся унизить папский престол, но и «второе вознаградило потерю, понесенную римскою церковью в Немецкой земле

и во Франции»*. Непосредственным и усердным исполнительным орудием к религиозно-политическому подчинению Московского государства и вообще русской народности римскому престолу была сделана Польша, вследствие чего Московское государство, не питавшее доселе особенного религиозного антагонизма, становится открытым защитником русской веры и народности против римского католичества и польщизны. С вопросом национальным, который и без того вел к борьбе с Польшей из-за политического объединения Южной Руси с Русью Северо-Восточной, неразрывно соединился вопрос религиозный, который в народном сознании был господствующим, и тем надолго предreshалось крайне неблагоприятное положение у нас как поляков, так и вообще лиц католического вероисповедания.

Не были безупречны и протестанты: и им не чуждо было стремление вмешиваться в политические дела государства, распространять свое влияние в правительственных сферах; и им не чужды были надежды, что русские, получив просвещение, могут склониться к протестантству. Но все это, как увидим в своем месте, у них носило значительно иной характер, чем у католиков. Собранные из различных мест северо-западной половины Европы и лишённые такого руководителя, какой имелся у католиков в лице папы и иезуитов, протестанты не могли вести систематической пропаганды ни в сфере религиозной, ни в сфере политической, и, в силу особенностей своего вероучения, менее католиков должны были ревновать о вероисповедной пропаганде. Их религиозная даль от нас значительно сокращалась общностью вражды к католикам, их большею предприимчивостью, практичностью и уживчивостью. Соседняя с нами Ливония сама по себе не могла иметь для нас угрожающего характера; Швеция, кроме того, не прочь была помогать нам в борьбе с католической Польшей. Политические, торговые и культурные сношения и связи легче и теснее устраивались с Европою северо-западной, протестантской, нежели с юго-западной, католической.

Сложиться более выгодному положению протестантов у нас было, после того, вполне естественно, и выпадали даже такие моменты, что московское правительство призывало и принимало их одних и запирало вход католикам. Со всею настойчивостью проводилось это

* Письма Камцензе (Библиотека иностранных писателей о России. Т. 1. Стат. III. С. 46–47) и Кобенцеля (Журнал Министерства народного просвещения, 1842. № XXXV. От. II. С. 130).

в ближайшее время после Смутной эпохи. Своему главному агенту за границей, полковнику Лесли, Михаил Федорович прямо наказывал не нанимать солдат, «которые папешские веры». Голштинская торговая компания под страхом смертной казни виновным обязывалась не привозить и не держать у себя на домах «римские веры попов и учителей и никаких латинские веры людей». Предложения с королевской стороны, чтобы польские купцы свободно ездили для торговли в московские города, наши дипломаты усиленно старались отклонять, ссылаясь на то, что эти купцы, приезжая в Россию, «станут привозить с собой учителей римской веры и приводить православных людей в свою веру» и что у этих купцов «не обойдется без ссоры и без брани с живущими в России иноземцами лютеранского и кальвинского закона». При всей условности выполнения подобных строгих требований о недопущении «папешников» католическая колония снова начала принимать в Москве заметные размеры уже в период присоединения Малороссии, когда Польша обнаружила явные признаки внутренней слабости и предстоявшего впереди разложения.

Явное предпочтение протестантов пред католиками и численный их перевес открывали им возможность к благоприятному церковному и общественному устройству и к многостороннему соприкосновению и взаимодействию с православно-русским народом. До личных религиозных убеждений иноземцев московской власти почти не было дела: весь вопрос сводился к тому, чтобы иноверцы «не плодили своего учения», не соблазняли им русских. Признанные в этом отношении надежнее католиков, протестанты в свободе вероисповедания и общественного богослужения пользовались полным преимуществом. Как ни был нам нужен папский посол Антоний Поссевин, в сношениях с Баторием, на все свои домогательства о допущении в Россию венецианских и других католических торговых людей с их духовенством и о замене в Москве «магистров люторских-немецких» священниками веры римской, которые будут немецкие же (как будто это одно и то же!), он получил в ответ: «Римлянам, Венецианам и Цесаревой области торговым людям в Московское государство приезжать и торговать повольно и попам с ними их веры ездить воля безо всякого возбранения, только им учения своего Русским людям не плодить и костелов им в государстве Московском не ставить, каждый в своей вере да пребывает; и грамотою утверждать то не для чего: в Московском государстве много разных вер, и великий государь ни у кого воли не отнимает, живут, как кто хочет, но мольбищ ни-

каких по сие время никакой веры не ставливали»; о лютеранах же было сказано папскому послу, что «в Российском государстве всяких вер люди многие живут, и своим обыкновением, и к Русским людям не пристають, а хотя бы кто и похотел пристати, и того тому чинить не попускают».

Ответ и политика Грозного послужили прототипом политики всех последующих государей. За исключением эпохи самозванцев, когда вторгшиеся католики почти хозяйничали в Русской земле и на мгновение пооттерли было протестантов, наше правительство, не стесняя их в вере, никогда не дозволяло иметь им ни костела, ни иезуитов; после междуцарствия не допускало в Россию и их священников и тех из лиц католического духовенства, которые проникали тайком, ссылало в отдаленную Сибирь даже во второй половине царствования Алексея Михайловича*. В противоположность этому, пасторы и кирки, если и испытывали на себе превратность судьбы, за все рассматриваемое время имелись у протестантов почти непрерывно, и притом с царствования того же Грозного, который так решительно отказал в храме католикам.

У главной протестантской группы, московской, приходские церкви стояли в ее подгородных предместьях или во второстепенных частях столицы; в конце XVI и первой половине XVII в. имелась кирка у Нижегородской лютеранской общины; в третьей четверти XVII столетия правили службу особые реформатские пасторы на железных заводах близ Тулы и устроила себе кирку реформатская община в Архангельске. Конечно, соответственно с юридическим положением у нас иноверия, строители кирок ни разу не получали заявления правительства, что протестанты имеют право на построение

* Римский католицизм в России. (Историческое исследование графа Дмитрия А. Толстого). СПб., 1876, I; наше исследование «Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках». М., 1886. Кн. II, и наша вступительная лекция в Московском университете «Положение западного иноверия в Московском государстве». Автор «Римского католицизма в России» (I, 125) так объясняет положение католичества: «Русские государственные люди весьма разумели дух римского католицизма и очень верно провели черту между религиею и пропагандою, между духовными нуждами католиков и кастовыми притязаниями их духовенства; римско-католики могли... и в России оставались католиками, никто не принуждал их переменять веры, но за то решительно воспрещено католическим духовным совращать православных». Католическое духовенство между тем не держалось в указанных ему границах, постоянно переступало их, и у нас принуждены были совсем прекращать ему доступ в Россию.

церквей. Напротив, каждое правительственное разрешение на постройку кирпичи, сколько известно, принимало вид особой, временной и частной милости, отнюдь не обязанной для правительства ни в иных местах, ни в другое время, ни для иных лиц, и наблюдалось, чтобы эти церкви служили для удовлетворения религиозных нужд одних природных протестантов и ничем, ни своим видом, ни местонахождением, не приносили бы соблазна или вреда религиозному чувству православных. С этою целью постройка церквей разрешалась протестантам, осевшим в России, жившим значительными группами и в особенности лицам, стоявшим на государевой службе, как прочнее прикреплявшимся к нашему государству и наиболее для нас нужным. Получали также разрешение «на домашнее веры своей пенье» в торговых дворах и заезжие купцы; англичане могли устроить себе «Компанейскую ропату» в Вологде и шведский резидент основал на своем московском подворье, так сказать, церковь посольскую.

По юридическим исследованиям*, России первой принадлежит честь наиболее удовлетворительного решения на практике вопроса о правах иностранцев. Когда на Западе иноземец считался врагом (Feind) или, по крайней мере, когда его личность и имущество составляли еще собственность нового государства и он не имел права завещания, был лишен свободы личного вероисповедания и т. д., Древняя Русь не знала ничего подобного; в этом отношении не произошло коренных изменений и в Московский период. В Москве знали, какой жгучий интерес имел тогда вероисповедной вопрос в самой западноевропейской жизни, и видели попытки западных людей перенести свои религиозные счеты на русскую почву: католики старались восстановить московское правительство против протестантов, протестанты то же делали относительно католиков. До Москвы достигали вести об инквизиции, аутодафе, Тридцатилетней войне, могли слышать у нас о Варфоломеевой ночи и проч. Московские люди боролись с тем, что в соседних с ними Польше, Ливонии и Швеции громадные массы православного населения насильственно вовлекались в унию

* *Witte*. Die Rechtsverhältnisse der Ausländer in Russland. Dorpat, 1847; *Лешков В.* Взгляд на состояние прав иностранцев по началам европейского народного права вообще и в особенности по законам отечественным. Юридические Записки, издан. П. Редкиным, 1842. II, 2–9; *Андреевский И. Е.* О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III на престол, великого княжества Московского. СПб., 1854; *Мартенс Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. СПб., 1882. I, 74–75; *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. Киев, 1886. II. 67–70, и др.

и лютеранство и множество православных храмов и монастырей обращены в костелы и кирки. Несмотря на то, неприкосновенность личного вероисповедания иноземцев всегда стояла у нас прочно, чужие религиозные формы оставлялись в покое и не допускалось насилия в делах веры.

Такая веротерпимость выходила, разумеется, не столько из теоретических начал или из юридических оснований свободы личности в делах веры: она обуславливалась свойственным нам гостеприимством, снисходительностью к иноверию православия и, ближе всего, политико-экономическими и культурными потребностями государства, удовлетворявшимися при содействии полезных иноземцев. Большею частью все шло от фактов, отдельных случаев, и потому, если, побуждаемые государственно-политическими причинами, наши отдали предпочтение протестантам пред католиками, то протестанты получили с избытком почти лишь то, что прежде имели у нас католики и что нашли москвитяне в присоединенном Новгороде, где свободой общественного богослужения пользовались заезжавшие туда католические купцы. Москвитяне отдали это преимущественно протестантам, жившим у нас постоянно и находившимся на службе, веротерпимость к которым простиралась в Москве до того, что их пасторы удостоивались иногда казенных наград и содержания.

Казенное жалованье получали пасторы, конечно, в тех случаях, когда правилась ими прямая или косвенная служба государству. Непосредственное попечение о духовенстве, приходских церквях и церковно-религиозных нуждах лежало на самих прихожанах и членах церковных общин. Успешность своей деятельности общины отчасти обеспечивали поддержанием сношений с протестантским Западом. Оттуда они нередко пользовались материальной помощью и разными советами, еще чаще приглашали духовенство или посылали туда своих кандидатов за ординацией, заручались там ходатайством правительств и владетельных лиц пред правительством московским и т. п. Отношения эти не могли превращаться в подчинение. Патронатство выражалось в добровольном и случайном покровительстве, носившем совершенно частный характер, без права решения и направления дел общин. Независимые от западных метрополий, общины не имели и внутри государства своего церковно-административного, объединяющего их центра, не были подчинены ни суперинтенденту, ни какой-либо консистории. Некоторую устойчивость еще удерживали у них церковные советы,

состоявшие из выборных членов прихода, но общие собрания, или «генерал-конвенты» решительно не удавались. Каждая община устраивала дела по своему, и потому в своей жизни и деятельности была подвержена колебаниям, смотря по количеству, положению и характеру ее членов. Беспорядки постоянно нуждались в умиротворениях со стороны правительства, которое всего менее хотело бы знать внутренний церковно-административный и религиозный быт общин.

Прямая забота правительства была об устройстве и упорядочении гражданского быта иноземцев и о правильном выполнении принятых ими или возложенных на них гражданских обязанностей. Установив на иноземца взгляд как на служебное орудие для достижения практических целей, московское правительство отдавало преимущество тем протестантам, деятельность которых находило наиболее надобною и полезною у нас. На этом основывались те выгоды, которые в конце концов получили у нас торговые голландцы в сравнении с англичанами; важнейшие купцы и промышленники, прикреплявшиеся к Русской земле, приравнялись иногда к гостинной сотне; основатели заводов получали субсидии, земли, волости (на определенные сроки). В последнем случае как бы пропадало различие между неслужилыми и служилыми людьми. Собственно служилые люди были поместные и кормовые, под конец одни кормовые, содержавшиеся на одно жалованье. Лицами новоприезжими и торговыми ведал Посольский приказ, служилыми — Иноземский, затем — другие приказы, соответственно с занятиями и службой иноземцев. Последние постоянно чувствовали, что для них обязательны у нас одни русские законы и установления. Принцип экстерриториальности, применявшийся в Великом Новгороде, не был принят централизующею домовитою московскою властью.

Но направление действий иноземцев в чисто русских интересах приносило нашему правительству немало хлопот, потому что это были люди исключительно личных расчетов и практических домогательств, в достижении которых лишь весьма немногие из них могли опираться на свои несомненные достоинства: знающие люди были надобны и дома, и западные правительства слишком ревновали о том, чтобы к нам не проникали действительно полезные личности. Каждый хлопотал о своих выгодах, всякий непомерно гнался за наживой или почестью и нимало не стеснялся подставлять другому ногу, буде этот не принадлежал к его кружку. «Германцы и другие ино-

земцы в России», писал (1673 г.) один из их среды*, «сильно вредят один другому, хотя царь любит их одинаково; много бед наживают они себе ябедой, обвинениями и преследованиями». Замечательно, что самый религиозный антагонизм, столь сильный на Западе, здесь ослаблялся до того, что подчас терялась религиозная между ними обособленность. Рознь, споры, натянутость во взаимных отношениях протестантов вызывались интересами почти исключительно материальными, личными, к которым примешивались религиозные и политические, как благовидный предлог, и совсем не видим споров из-за вопросов ученых, научных. Противодействовавший успехам у нас голландцев, Джон Мерик¹ жаловался, нашему правительству, что голландец Масса уничижительно отзывается об английском короле Иакове I; голландцы, в свою очередь, искусно эксплуатировали английскую революцию и убийство короля Карла. Яблоком раздора между англичанами и голландцами, как представителями двух главных у нас иностранных торговых наций, были торговые выгоды. В служилом классе борьбу вызывало получение прибыльных мест и почета, почему она всего упорнее велась между иноземцами прежними и новоприезжими, из которых последние, как сравнительно более знающие, часто перехватывали то, что первые считали своим достоянием. Какая буря разыгралась около одного новоприезжего и счастливого по службе Баумана! Но тот же Бауман сильнее всего разобиделся на Фадемрехта, что этот, будучи купеческим пастором, смел оскорбить его, генерала. Офицерши не хотели сидеть в Московской кирке ниже купчих, купчихи не желали уступать своих мест офицершам, и, не утерпевши, раз, тут же, в церкви, передрались; в драке, конечно, приняли участие мужчины. В подобных случаях мотивом раздоров служило уже тщеславие. Личный и партийный характер борьбы и домогательств, приносивший ущерб тем иноземцам, которые не успевали предупреждать опасность, легко превращался в стремление к прямому эксплуатированию, если дело касалось местного, русского элемента, где иноземцы легко сходились до объединения своих интересов.

Свойства протестантов, как равно свойства русского населения и в особенности взгляд на иноверие и значение православия в жизни народной вели к тому, что иноземцы, хотя и пользовались свободой в своем внутреннем быте, от русских должны были, по требованию нашей власти, держаться изолированнее, ограничиваясь по воз-

* *Rinhuber Lavrent*. Relation du voyage en Russie fait en 1684. Berlin, 1883. 28.

возможности одними деловыми и мирскими сношениями, и то по мере надобности. Для них закрывалась вся религиозно-церковная область и что находилось с нею в непосредственной связи, и многое из такого, что просто нуждалось в охране от чуждой эксплуатации. Протестанты не могли или, точнее, не должны были заводить с русскими беседы о вере, ни касаться священных предметов, ни посещать православных храмов; религиозные соблазны и эксплуатирование со стороны иноверцев побуждали правительство запрещать иноземцам нанимать к себе русскую прислугу и прекратить награждение служилых иноземцев поместьями; не раз пресекались попытки иноземцев замешаться между русскими. На такие попытки и на применение по внешности к русским обычаям у нас смотрели неодобрительно: в таком виде иноземцам удобнее было эксплуатировать русских. Этим обуславливалось то, что иноземцев заставляли носить платье своего национального покроя и отводили им места жительства во второстепенных местностях городов или совсем за городской чертой, в особых иноземческих селениях, как это делалось относительно евреев во многих городах Западной Европы. Цельность склада русской жизни, одухотворяемой вероисповеданием, побуждала многих протестантов принимать православное исповедание, что совершалось непременно чрез перекрещивание, после чего не только уничтожались для новообращенного преграды, но оказывалась ему материальная и моральная помощь, вытекавшая из нравственной обязанности облегчить переход обращающемуся, дать ему возможность легче устроиться в новой среде, так как он обыкновенно должен был порывать связи с прежними единоверцами и ожидать от них не содействия, а скорее неприятностей и притеснений. Под одной Москвой из обращенных составилось две слободы, Басманная, по соседству с Немецкой, и Панская, на другой стороне столицы. После крещения неминуемо следовал процесс обрусения иноземца, ассимиляции с русской средой, как бы в противовес совсем уже некультурной стихии, входившей в наш служилый класс в лице принимавших крещение татар.

Теперь иноземец делался полноправным членом государства. Он мог двигаться по служебной лестнице, выбирать место жительства и вступать даже в кровное родство с русскими, как природные русские его разряда. По недостатку в иноземной среде невест, тем более «приличных», брачные узы служили весьма важным побуждением к перекрещиванию и обрусению, потому что брак иноземца с лицом нашей народности допускался лишь по принятии иноверным лицом

православия. Ввиду этого требования вопрос о браках под условием предварительного крещения иноверной особы, когда дело касалось членов царского рода, возвышался до первостепенной государственной важности. Строгость вероисповедного принципа, забота об обеспечении духовного единства и правильности выполнения взаимных обязанностей и отношений между всеми членами великой русской семьи привели к отрицательному решению вопроса о смешанных браках.

Православное исповедание, это знамя и опора народности, ставилось пред иноверием на такую высоту, чтобы посторонние не только не могли вредить ему, но не смели и касаться его. Иноверие по сравнению с ним было сближено с неверием и, в смысле государственно-юридическом, было только допускаемо, почти лишь терпимо; религиозная свобода, предоставляемая протестантам, насколько было надобно для их действительных религиозных нужд, никогда и никем не смешивалась с прозелитизмом, с пропагандою между русскими. Со всею полнотою взгляд на протестантство и на границы ему высказан был полемистами, произведения которых поэтому не были вообще простым словопрением, но наиболее отчетливым выражением борьбы с встречными вероисповедными и отчасти национальными особенностями и принципами. Попытки религиозной пропаганды протестантов, под прикрытием каких бы культурных средств ни предпринимались, не оправдывали надежд инициаторов: протестантские вероисповедные и моральные тенденции нашими были отстраняемы. Действуя под охраной и руководством Церкви и своего национального правительства, московские люди умели брать у протестантов по возможности одни элементы космополитического характера, культурно-образовательные, эстетические и т. п.

Служить удовлетворению нарождавшихся гражданских, культурных и разных практических потребностей и было у нас прямым назначением протестантов. Их деятельность постепенно применялась здесь в разнообразных сферах жизни, нуждавшихся в техническом и научном умении и знании, именно в деле военном, промышленном, торговом, политическом, в охране здоровья, в улучшении житейской обстановки, развитии искусств, ремесел и т. д. Внимание наблюдателя невольно привлекает к себе политика московских людей, чтобы все отрасли, где применялся иноземец, оставались в русских руках или, по крайней мере, под русским контролем и наблюдением, и чтобы мало-помалу подготавливались умелые лица из природных русских. Многочисленные препятствия к достижению такой цели,

заклучавшиеся в недостатке знающих и добросовестных иноземцев, в стараниях их скрывать от русских секреты своего умения, так и в условиях жизни самого русского народа, не были в силах лишить русское общество соответственного роста. Укрепляясь в своих народных началах, оно, одновременно с тем, мало-помалу настолько освоилось и с элементами западноевропейской культуры, что оказалось подготовленным к гражданским реформам, которые бы с пользой для России ввели ее с самостоятельной ролью в круг европейской системы.

Реформа, с довольно определенными свойствами, стучалась в двери еще в конце жизни Алексея Михайловича, после которого, по признанию осторожнейших исследователей русской исторической жизни*, наступает уже так называемая эпоха Преобразований. Его дети и образовавшиеся около них две придворные партии, правда, как будто поделили между собою политические и культурные роли. Милославские были увлечены юго-западным течением, начавшимся у нас по присоединении Малороссии и с появлением южно-русского литературно-образованного духовенства; Нарышкины и их партия, выведенные «отцом и другом Немцев», А. С. Матвеевым, могла удобнее тянуть к Европе Северо-Западной, германо-протестантской. Но и независимо от того, что победа осталась за Петром, традиции, созданные Московскою Русью, предрешали, в каком направлении должна была совершиться гражданская реформа и кем из иноземцев и каким способом воспользуются у нас при ее проведении.

И во внутренней, и во внешней жизни протестантства и протестантов, особенно в сфере их отношений к природным русским и нашему вероисповеданию, в занимающее нас время было вообще поднято и вызываемо практикой множество вопросов, и тем был предупрежден период Преобразований, на долю которого выпадало не столько создавать новое, сколько расширять и юридически решать то, что было уже прежде. В этом смысле предыдущий период подготовил второй; не узнавши и не выяснив факты древнего периода, нельзя понять событий в период государственных реформ. За первым периодом остается честь основной установки крайне сложного и трудного вопроса, соответственно с действительными нуждами иноземцев и существенными потребностями русской государственной и народной жизни.

* Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. XIII.